

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ КАЗАХОВ

Аннотация

Одним из интереснейших, неоднозначных и противоречивых институтов казахского обычного права является барымта, представляющий собой межотраслевой, универсальный институт. Раскрывая сущность и содержание барымты как одного из элементов обычно-правовой системы, необходимо, на наш взгляд, помнить, что общества, относящиеся к степной цивилизации, как правило, являются деклассированными и функционировали в основном как гражданские. Поведение рядового члена в таком обществе регулировалось при помощи определенных правил, основанных на обычаях. Таким образом, казахское традиционное общество было гражданским обществом, основными принципами которого являлись: самоуправление, саморазвитие и самосуд.

В традиционном кочевом обществе четкого разграничения между кражей, грабежом и разбоем не было. Все эти понятия охватывались одним термином «воровство». На наш взгляд, от барымты следовало различать воровство, которое по казахскому обычному праву относилось к разряду тяжких. Как показала практика, на такие действия зачастую шли лица, профессионально занимавшиеся воровским промыслом, проживавшие и работавшие у богатых скотовладельцев.

Если барымта трактуется как угон скота с целью восстановления своего нарушенного права, то тайный отгон скота будет воровством, а набег с целью насильственного отнятия чужого имущества квалифицируется как грабеж.

По мнению И. Козлова, предметом кражи в казахском обществе был исключительно скот, как единственное их богатство. На наш взгляд, исследователь ошибочно полагал, что у казахов кража не считалась преступлением и наказание, как правило, за нее заменялось взысканием скота [1, с.301]. Аналогичного мнения придерживались и другие исследователи писавшие по этому поводу следующее: «Скотокрадство в глазах большинства кочевников не криминал, а проявление удалства, ловкости и молодечества. За уменьшением случаев барымты почти до пределов полного его исчезновения в степи в последнее время местное слово батыр становится, кажется, синонимом воров-конокрадов».

В традиционном казахском праве воровство скота считалось одним из наиболее тяжких преступлений, поскольку скот в казахском кочевом обществе являлся основой экономики и, несмотря на существовавшие суровые меры ответственности за кражу скота, предметом воровства в большинстве случаев являлся скот. Данный факт имел место не только в традиционном кочевом обществе казахов, но в других традиционных обществах. Так, многие путешественники и очевидцы отмечают, что у кавказских народов в прежние времена уличенного в воровстве убивали. Однако данное правило по обычаям кавказских народов не распространялось на лиц из привилегированных сословий. В том случае, если группа, совершавшая кражи скота, состояла из простолюдинов, но предводитель их был из привилегированного сословия, то его иммунитет распространялся на всех членов группы.

М. Красовский по этому поводу сообщает: «Воровство как тайное завладение чужой собственностью, если только эта собственность не скот, а какое-нибудь другое имущество, в степи,

собственно между киргизами, почти не имеет места; зато кража скота дело совершенно обыкновенное» [2, с.130]. П.Е. Маковецкий [3, с.338] и Л.Ф. Баллюзек [2] также указывают, что основным предметом кражи у казахов является скот и преимущественно лошади, так как их легче и быстро угнать и что кража прочих вещей случается крайне редко, вследствие чего во время отсутствия хозяев юрты оставляют открытыми. Н. Гродеков отмечает, что в конце XIX века известные опытные бии не приводят случаев кражи денег, в то время как случаи кражи скота были по-прежнему распространенным явлением [4, с.232].

Широко распространенная в казахском кочевом обществе кража скота объясняется разнообразными причинами, вытекающими из экономических и социальных условий жизни nomadов. Т.М. Культелеев указывает на некоторые причины, порождавшие это явление в казахском обществе. Ими являлись: 1) кража скота совершалась богатыми и «почетными» людьми, содержащими для этой цели специальных джигитов, выполнявших роль известных западноевропейскому феодализму «рыцарей большой дороги»; 2) кража скота совершалась деклассированными элементами, вышедшими из различных слоев населения; 3) кража скота вызывалась материальной нуждой бедных слоев населения.

В источниках и литературе встречаются различные мнения о степени распространенности кражи скота в казахском кочевом обществе. Так, во многих источниках XIX века отмечается лояльное отношение казахов к краже скота и объясняется это тем, что, якобы, угон скота почитался за простое воровство и казахские суды либерально относились к такого рода преступлениям. С ними солидарен Л.А. Словохотов, который считает, что «неповадно было и воровать в степи. Народ хотя и клеймит вора презрением (ұрлықтың түбі - қорлық, - последствие воровства - презрение), но, мирясь, по необходимости с существующим положением (ел ұрысыз болмас, тау бөлтіріксіз болмас - люди не бывают без воров, а горы без волков), предлагает крайнюю осторожность судебного искательства, ибо: ұрлаған бір жазықты, ұрлатқан мың жазықты - вор грешит однажды, а потерпевший своими подозрениями грешит тысячу раз» [5]. Большинство же авторов придерживаются обратной точки зрения (А. Харузин, М. Красовский, Л. Баллюзек, П. Маковецкий и др.), в их числе и современные исследователи. Полагаем, что второе мнение более соответствует действительности, поскольку, отдавая должное своеобразию традиций казахов, нельзя согласиться со «снисходительным» отношением народа к краже, ведь не случайно у казахов существует старинная поговорка: «ұрының, іш күйісін — аяма», т. е. «пусть горит даже жилище вора - не жалей».

Одним из квалифицирующих признаков кражи по нормам обычного права казахов является наличие дубины или палки при совершении данного вида преступления.

Многие исследователи казахского обычного права отмечают, что грабеж влек меньшее наказание по сравнению с кражей, поскольку тайный вор возбуждал гораздо большее отвращение и более казался опасным, чем тот, кто открыто шел к своей цели [6, с.271].

На наш взгляд, наказание за совершение грабежа зависело от многих факторов. Во-первых, от того, в какой степени родства находятся потерпевший и обвиняемый. Во-вторых, от места и времени совершения преступления. Так, если потерпевший и обвиняемый принадлежали к разным жузам и родам, то наказание, как правило, ограничивалось отобранием лошади и одежды у грабителя. В том случае, если грабитель и ограбленный принадлежат к разным родам, но являются представителями одного жуза, то у грабителя не только отбирается награбленное, но и взимается тогуз. Если же грабитель и ограбленный оказываются представителями одного рода и даже жителями одного аула, то в этом случае с виновного взимается несколько тогузов, из которых один идет в пользу ограбленного, второй - в ханлык, третий - в бийлик. Так же взимается жасаулакы и даучегежеп-кесер. Кроме того, взыскивается вознаграждение или суюншы в пользу того, кто раскрыл грабителя.

После присоединения Казахстана к России и принятием царским правительством ряда законодательных актов, в том числе «Устава о сибирских киргизах» 1822 года и «Устава об Оренбургских киргизах» 1824 года дела о грабежах были переданы общеимперским судам. Было проведено четкое разграничение между такими составами преступлений, как грабеж и кража. Основными признаками, характеризующими грабеж, стали насилие и открытый характер совершаемого деяния. Вот что писал по этому поводу известный исследователь казахского

обычного права П. Маковецкий: «...насилие, составляющее отличительный признак грабежа, выделяется у киргизов в самостоятельное преступление, влекущее за собой отдельное наказание. Некоторое различие имеется, впрочем, и в названиях: грабитель называется «зорлауши», т.е. берущий силой, а похищающий вещь тайно «уры», т.е. вор» [6, с.273].

Необходимо отметить, что к началу XX века практически во всех постановлениях съездов биев барымта приравнивалась к краже и за нее предусматривалась ответственность как за совершение кражи. Так, п.17 Ереже Илийского чрезвычайного съезда биев от 5 сентября 1890 года гласил: «За баранту должны отвечать одинаково как за кражу»; п.22 Ереже Чрезвычайного съезда Верненского уезда от 24 октября 1891 года содержал следующую норму: «Баранту признавать наравне с кражами, копии прежнего времени не должны терять своей силы и на настоящем съезде по ним прямо взыскивать»; согласно п.20 Ереже Алматинского чрезвычайного съезда биев от 15 октября 1904 года «Баранта (самоуправление и насильственное завладение чужим скотом или имуществом, посредством захвата или угона скота) в народном суде будет иметь такое же значение, как и кража» [7, с.98, 100, 139].

Большое внимание данному вопросу уделяли представители прогрессивной национальной казахской интеллигенции. В частности, как указывает Г.Р. Усеинова, не обошел вниманием этот вопрос в своих статьях и Алихан Букейханов [8, с.37, 41].

По мнению ученого, одним из самых тяжких преступлений в казахском обществе является воровство и как одна из его разновидностей – конокрадство. Для того чтобы доказать казахам, что воровство – это не панацея от всех бед, А.Н. Букейханов изучал законодательство и судебную практику отдельных стран по этому вопросу. Он отмечает, что в Англии за воровство убивали; в России мужик, поймав вора, укравшего у него лошадь, без суда и следствия забьет его до смерти; в Финляндии же воровства нет как такового. По мнению ученого, это объясняется тем, что таковы традиции и характер финнов. Этим самым он дает понять, что распространение воровства у казахов связано, прежде всего, с древними обычаями и традициями, заложенными предками. А поскольку предметом воровства в казахском обществе был в основном скот, то, говоря о традициях, Букейханов по всей видимости подразумевал барымту, являющуюся первоначально способом защиты своих прав, но впоследствии утратившую первоначальное значение и превратившуюся в банальное преступное деяние.

Причины распространения данного вида преступлений в современном ему казахском обществе Букейханов видит в следующем:

1. Подвижность объекта кражи;
2. Экстенсивная форма киргизского коневодства;
3. Наличие сбыта краденной лошади.

Букейханов подвергает острой критике деятельность степной администрации, направленной на борьбу с данным видом преступлений, однако на деле не приведшей к каким-либо серьезным результатам. «...конокрадство, которое хотят уничтожить приемами первобытных догосударственных диких племен, с каждым годом растет и не думает прекратиться», - пишет А.Н. Букейханов.

С данным вопросом, по мнению мыслителя, очень тесно была связана проблема привлечения к ответственности третьих лиц. Дело в том, что на основании циркуляра генерал-губернатора степного края Колпаковского и статьи 17 «Степного положения» 1891 года в казахской степи была широко распространена следующая практика: «...киргизский аул несет ответственность за краденный на его территории скот». Следствием данной негативной практики явилось то, что тысячи киргиз были высланы за конокрадство, в то время как количество такого вида преступлений не уменьшилось, а наоборот, увеличилось. Букейханов, на наш взгляд, приходит к единственно верному выводу: «Правительство, допускающее практику ответственности третьих лиц, упраздняет идею государства и возвращает его к тому состоянию первобытных племен, когда люди жили, не руководствуясь нормами права, полагаясь только на физическую силу победителя» [8, с.37, 41].

Таким образом, на основе анализа традиционного права кочевого общества казахов, мы пришли к выводу, что ответственность за противоправные деяния зависела от их квалификации согласно нормам обычного права. К примеру, угон скота у чужого племени, совершаемый соплеменниками

с согласия племени, вел к ответной акции – барымте с потерпевшей стороны. Субъектами правоотношения в данном случае выступали племена. Ответные действия, предпринимаемые в отместку за нанесенную обиду конкретному человеку или роду, племени в целом, кражу скота, способ наказания виновного, стремление дать почувствовать ответственность за содеянное. В числе действий, порочащих честь человека, а значит, и всего рода, значились оскорбление, избиение, кража невесты, вдовы из данного рода и т.д. Как правило, первоначально по существующей традиции обиженная сторона требует от виновников выплатить штраф за нарушение обычая. Если эти действия не дают положительных результатов, то обиженная сторона вынуждена была идти на барымту. Но если обиженная сторона не могла по каким-либо причинам осуществить набег, то в этом случае нередко прибегали к простому воровству, которое совершали либо сами, либо нанимали воров. И на первый взгляд, незначительное дело, заканчивалось неразрешимой проблемой между родами, сопровождавшейся нередко кровопролитием.

Специфика традиционного права состояла в его процессуальном характере.

Главное – восстановление справедливости, а не исполнение каких-либо материальных норм. В связи с этим можно сказать, что санкции не носили твердо установленного характера. Однако обязательным было соблюдение определенной процедуры.

Менталитет казахов базируется на категории компромиссности. Она формировалась на протяжении нескольких столетий исторического развития казахского этноса. Уступчивость и компромисс здесь означали нечто большее, чем соглашение на основе взаимных уступок. Принцип компромисса как категории равновесия и стабильности лежит в основе существования всего казахского общества и, в частности, в основе правовой культуры. Данный принцип есть сумма формальных, на первый взгляд, ритуалов и условностей, составляющих предпосылки для гармоничного развития всего общества [9, с.90].

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Козлов Н.А. Обычное право киргизов // Материалы по казахскому обычному праву / Сост.: Т.М. Культелеев, М.Г. Масевич, Г.Б. Шакаев. – Алматы, 1998. – С. 300-319.
- 2 Фукс С.Л. Обычное право казахов в XVIII- первой половине XIX века. - Алма-Ата, 1981. - 224 с.
- 3 Маковецкий П.Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов, Омск, 1886 // Материалы по казахскому обычному праву - Алматы, 1998. – С. 320-418.
- 4 Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. – Ташкент, 1889. – Т.1. – 398 с.
- 5 Словохотов Л.А. Народный суд обычного права киргиз Малой орды // Древний мир права казахов. - Алматы, 2005. - Т.6. - С. 79-113.
- 6 Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов. – Алматы, 2004. – 312 с.
- 7 Материалы по казахскому обычному праву / Сост. З.Ж. Кенжалиев. - Алматы, 1996. – 208 с.
- 8 Усеинова Г.Р. История правовых и политических учений Казахстана. - Алматы, 2003. - 44 с.
- 9 Ибраева А.С. Правовая культура: проблемы теории и практики. – Алматы, 2002. - 352 с.

- 1 Kozlov N.A. Obychnoe pravo kirgizov // Materialy po kazahskomu obychnomu pravu / Sost.: T.M. Kul'teleev, M.G. Masevich, G.B. Shakaev. – Almaty, 1998. – S. 300-319.
- 2 Fuks S.L. Obychnoe pravo kazahov v XVIII- pervoj polovine XIX veka. - Alma-Ata, 1981. - 224 s.
- 3 Makoveckij P.E. Materialy dlja izuchenija juridicheskikh obychaev kirgizov, Omsk, 1886 // Materialy po kazahskomu obychnomu pravu - Almaty, 1998. – S. 320-418.
- 4 Grodekov N.I. Kirgizy i kara-kirgizy Syr-Dar'inskoj oblasti. – Tashkent, 1889. – T.1. – 398 s.
- 5 Slovohotov L.A. Narodnyj sud obychnogo prava kirgiz Maloj ordy // Drevnij mir prava kazahov. - Almaty, 2005. - T.6. - S. 79-113.
- 6 Kul'teleev T.M. Ugolovnoe obychnoe pravo kazahov. – Almaty, 2004. – 312 s.
- 7 Materialy po kazahskomu obychnomu pravu / Sost. Z.Zh. Kenzhaliev. - Almaty, 1996. – 208 s.
- 8 Useinova G.R. Istorija pravovyh i politicheskijh uchenij Kazahstana. - Almaty, 2003. - 44 s.
- 9 Ibraeva A.S. Pravovaja kul'tura: problemy teorii i praktiki. – Almaty, 2002. - 352 s.

Summary

One of the most interesting, ambiguous and inconsistent institutes of the Kazakh common law is barymta, representing, universal institute. Opening essence and the contents barymta as one of elements of usual and legal system, it is necessary to remember, in our opinion, that the societies relating to a steppe civilization as imparted, are declassed and functioned generally as civil. The behavior of the rank-and-file member in such society was regulated by means of the certain rules based on customs.

Thus, the Kazakh traditional society was the civil society which basic principles were: self-government, self-development and mob killings.

УСЕИНОВА К.Р.

ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА КАЗНУ ИМЕНИ АЛЬ-ФАРАБИ, К.Ю.Н.

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

050040, Республика Казахстан, Алматы, пр.аль-Фараби, 71